

Срыв

Автор:

Степка Воробей

Срыв

Степка Воробей

В повести рассказывается о том, как случайная любовная связь может разрушить всю жизнь верующего человека. Это история о покаянии и прощении, о настоящей любви и верности, а также о том, как Бог в реальной жизни решает проблему греха и дарует спасение в Крови Иисуса Христа.

Степка Воробей

Срыв

© Издательство «Протестант»

* * *

В четвёртом ряду справа сидела бледная молодая женщина и не сводила с него глаз. А он обливался холодным потом. Он боялся этого взгляда. Прошрое настигло его. Как он молил Бога, чтобы эта встреча никогда не состоялась! Он боялся её. Но в то же время чувствовал, что она придёт, боялся этой встречи и одновременно глубоко в сердце надеялся на неё. Но больше боялся, чем надеялся. На всякий случай молил Бога, чтобы она не состоялась. Но Бог не услышал его мольбу.

* * *

До мельчайших подробностей помнил он тот день, потому что с того дня многое как в нём самом, так и в его жизни изменилось. Мысленно называл он его днём своего «грехопадения». Но только очень мысленно.

Он был в дороге. Вот уже в течение полутора недель почти ежедневные переезды с одного места на другое, непрерывное посещение церквей, и понемногу сказывалась усталость. В некоторых местах были проблемы, и их решение вымотало его. С удовольствием поехал бы сейчас домой, к жене и детям. Но это входило в его обязанности – решать актуальные проблемы церквей, давать советы. Он должен был побывать ещё в двух местах – значит, только дня через три-четыре он окажется дома.

Поначалу он именно это любил в своей новой работе: обилие поездок, запах вокзалов, поездов. Любил вкус чая в поездах и беседы со случайными попутчиками. Любил выслушивать их рассказы, жалобы. Сколько судеб он за это время выслушал, со сколькими жизнями познакомился! Богатые судьбы, наполненные приключениями и головокружительными поворотами; или бедные, в которых вроде бы ничего не было, но всё же судьбы живых людей. Пережитые, но никем не написанные книги. Некоторые попутчики рассказывали подробно и интересно, другие – скупно и скучно. Но все они рассказывали самое главное, самое захватывающее из своей жизни. Чужая жизнь вспыхивала перед ним и оставляла след. Порой яркий и радостный, порой грустный, тоскливый. Некоторые судьбы-рассказы он сразу же забывал, другие же запоминал надолго. Судьбы попутчиков были какие-то другие, не такие, как у большинства верующих, с которыми он в основном общался.

Нельзя сказать, что у всех верующих жизнь была скучной или шла, как по маслу, нет. Были и у них сложные переживания, нужды, проблемы, но там всё решалось по-другому, там можно было указать на Бога, можно было вместе помолиться, и если проблемы не решались, то сносить их всё же было легче. У этих же людей такого выхода не было, и ему было интересно и грустно наблюдать, как проходит жизнь без Бога, как человек сам пытается решать собственные проблемы и как они добивают человека.

Такие поездки восполняли его дефицит «мирской» жизни и внецерковной информации. В таких беседах он не только обогащал свой житейский опыт, но и получал массу наглядного материала для своих проповедей. Жалел он таких

людей, но далеко не всегда указывал им на Бога. Может быть, это был старый, доперестроечный страх, а, может, жажда какого-то эксперимента – посмотрим, как она дальше пойдёт, эта жизнь без Бога.

Раньше, работая на заводе, он ближе чувствовал проблемы своих прихожан, их будничные заботы. Мог сочувствовать, сострадать. Теперь же использовал поездки, чтобы восполнять необходимую информацию о жизни. Он мог часами молча слушать рассказы людей, только изредка задавая им вопросы. Он ловил дыхание злого, греховного мира. Он хотел быть хорошим служителем, а это значило, что он должен знать, чем люди дышат и как живут.

Иногда он ловил себя на том, что тосковал по «старой жизни». Ведь была же в ней какая-то романтика. Заводская атмосфера, гудение станка, радость от готовой детали... И чем дальше это уходило в прошлое, тем сильнее тянуло его заглянуть когда-нибудь в старый цех, постоять у станка, подышать таким знакомым и родным запахом обработанного металла. Но насовсем вернуться в этот мир ему не хотелось. Да и ни разу он ещё не возвращался в свой цех, к станку. Боялся, что вместо романтики придётся столкнуться с суровой действительностью и его романтика распадётся в пух и прах.

С другой стороны, он был бесконечно благодарен Богу, что мог вести именно такой образ жизни, мог служить Ему, и это придавало его жизни совершенно другой, возвышенный смысл. При всей романтической тоске по старой жизни, он ни за что не захотел бы вернуться к ней. Он был счастлив.

Если бы только не эта нервотрёпка. Когда в церквях всё хорошо, то его не зовут, не просят порадоваться. Разве что на какой-нибудь юбилей, на свадьбу или на освящение нового молитвенного дома пригласят. Но много ли тогда узнаешь? Обилие народа, множество рукопожатий, просьбы сказать слово, ответить на вопросы, дать советы... Но радоваться с радующимися ему приходилось намного реже, чем плакать с плачущими. Особенно сейчас, когда открыты невиданные доселе возможности. Часто церкви не знают, как ориентироваться в новых условиях, в какую дверь входить, а в какую – нет, какие предложения принять, а какие лучше отклонить. И порой не с кем поговорить, не с кем посоветоваться... Как он уставал от этого, и тогда тоска по старому токарному станку становилась реальностью.

* * *

«Хорошо бы побыть сейчас одному в купе. Может быть, повезёт», – думал он, глядя на подъезжающий поезд. Так хотелось обдумать прошедшие дни, помолиться, расслабиться, хотя бы несколько часов побыть без наблюдателей. Да ещё, не дай Бог, попадётся какой-нибудь болтун. Ему сейчас почему-то абсолютно не хотелось иметь с кем-то дело. Надо было всё же взять кого-нибудь из братьев с собой в дорогу. Можно было бы обсудить некоторые вопросы, подкрепиться взаимно. Да вдвоём и легче выключить нежеланно разболтавшегося попутчика. Но все так заняты своими делами. Да и билеты становятся всё дороже...

Поезд подъехал, остановился. Он отыскал свой вагон, показал проводнице билет и прошёл в купе. Нет, оно не было пустым. У окна сидела женщина. Его желание не исполнилось. Настроение стало ещё хуже.

– Здравствуйте, – как можно вежливее поздоровался он, пытаясь придать своему голосу холод и неприкосновенность.

– Здравствуйте.

– Разрешите?

– Конечно, проходите, располагайтесь.

Он расставил вещи – чемодан на верхнюю полку, дипломат на нижнюю, рядом с тем местом, куда хотел сесть. В нём были некоторые вещи, которые ему, может быть, понадобятся – Библия, новая нечитанная книга и кое-что перекусить. Потом снял плащ, расстегнул пиджак, хотел немного расслабить галстук, но, украдкой заглянув в зеркало, находившееся на внутренней стороне двери, только поправил его, причесался и сел напротив своей попутчицы – не прямо напротив, а немного наискосок.

Таких купе он видел уже десятки: обшарпанные, иногда порезанные дерматиновые сиденья, выцветшие шторы на окнах, одинаковый запах, только, в зависимости от вентиляции, – погуще или послабее. На этот раз запах был не такой уж сногшибательный, немного пахло духами – наверное, от попутчицы. По грязному окну ползала невесть как попавшая в вагон муха.

Украдкой он взглянул на попутчицу. Перед ним сидела довольно молодая, очень симпатичная женщина.

Какое-то время он не знал, что делать, – затеять с ней разговор или нет? Обычно он, если не желал вдаваться в разговор с попутчиками, использовал несколько испытанных приёмов. Например, делал вид, что хочет поспать, или доставал какую-нибудь книгу и углублялся в чтение; или, во всяком случае, показывал, что хочет читать. Раньше он часто доставал Библию, и попутчики, заметив, какую книгу он читает, начинали задавать вопросы, и чтения не получалось, уединиться тоже было невозможно. А желания беседовать на религиозные темы становилось почему-то всё меньше. В последнее время он читал какую-нибудь беллетристику или газету. Благо перестройка предоставила возможность читать всё подряд, даже то, что в течение многих лет было абсолютно запретным. Попутчики в таких случаях или сами начинали что-нибудь читать, или просто сидели молча и не мешали. Эти методы предохранения от нежелательных разговоров почти всегда срабатывали.

Не успел он на этот раз до конца обдумать этот вопрос, как молодая женщина сама взяла инициативу в свои руки.

– Я так рада, что не придётся одной ехать дальше, – сказала она. – Станцией раньше на вашем месте сидела пожилая женщина, так ребята из соседнего купе хоть не так наглели, а как она вышла, так прямо каждые пять минут открывают двери и разную похабщину несут. Может, хоть сейчас отстанут...

На какое-то мгновение он почувствовал себя польщённым. Такая приятная женщина берёт его себе в защитники. Желание достать книгу как-то ослабело.

– Знаете, с одной стороны, я понимаю этих ребят, – он улыбнулся и слегка прокашлялся. – Кто же не захочет полюбоваться такой красавицей?

– Ну, уж прямо, так и красавица... Все вы одинаковые. Подумаешь, что во мне особенного? – возразила она.

По всему было видно, что комплимент, хотя и получился немного плоский, но достиг цели. Да и кому не хочется услышать комплимент от приятного мужчины. А что он именно таковым и является, он знал. Попутчица слегка покраснела и невольным жестом поправила блузку.

Он любил делать женщинам комплименты, что придало ему славу очень галантного мужчины. Хотя, с другой стороны, это приносило ему и некоторые неприятности. Не все сестры по вере понимали его правильно, и некоторые, особенно одинокие сёстры и жёны неверующих мужей, после очередного комплимента втайне считали, что они у него на особом счету. Жена неоднократно предупреждала:

- Наживёшь себе неприятностей своей галантностью...

Он не принимал слова жены всерьёз, хотя порой чувствовал себя идущим по краю обрыва. «Ничего, пока голова не кружится, всё в порядке», - думал он.

- Вы далеко едете? - решил он продолжить разговор.

- Да нет, через одну станцию мне выходить, это часа через полтора. А вы?

- Мне немного подальше, я в восемь вечера прибываю. Впрочем, меня звать Олег, - представиться по имени-отчеству, как он это обычно делал, ему вдруг показалось неуместным, а вас?

- Меня - Светлана.

- Ну, вы меня просто вынуждаете опять сказать вам комплимент - это имя вам замечательно идёт.

- Спасибо, - Светлана залилась краской, что сделало её ещё более привлекательной.

Потом они немного помолчали. Ему было неудобно рассматривать свою попутчицу в упор, но урывками он всё же посматривал на неё. Типично русская красавица. Многих он уже повидал, многими украдкой восхищался. Каштановые волосы и очень нежная кожа попутчицы создавали замечательный контраст. Небольшой, чуть вздёрнутый носик придавал её лицу некоторую задорность. Только вот глубокие, серые глаза были почему-то тусклыми.

- Вы к кому-то в гости едете или по делам?

- Да нет, ни то и ни другое. В больницу ездила. Меня дядя по знакомству устроил к очень хорошему врачу. Так вот, ездила на обследование...

- Что-нибудь серьёзное?

- Может быть. Пока не знаю. Подождём результатов.

Лицо её немного погрузнело. Он всегда жалел больных людей, особенно если они были неверующими. Сам он никогда серьёзно не болел и, честно говоря, боялся болезни. Она ему всегда казалась какой-то неведомой силой, которая вдруг набрасывается на человека и может искалечить всю его жизнь. Он любил проповедовать о проведённых Иисусом исцелениях, любил утешать больных, но сам боялся боли.

Пасторская душа сразу подсказала ему заговорить и с этой женщиной о вере в Бога, о силе Иисуса исцелять болезни, но он почему-то не стал этого делать. Ему просто захотелось продолжать этот непринуждённый разговор, задавать ни к чему не обязывающие вопросы, шутить и втайне любоваться красотой этой женщины.

Он и раньше так поступал. Беседуя со случайными встречными, выдавал себя за рабочего, каким был раньше, называл свою прежнюю профессию. Ему казалось, что люди в таком случае более откровенны. А может быть, в нём крылся старый страх быть высмеянным? Он скрывал свою настоящую профессию, которую вообще-то очень любил. Было ли это грехом, он не знал, точнее, упорно над этим не задумывался.

- У вас есть семья? - решил он возобновить разговор и немного придвинулся к окну, чтобы оказаться напротив неё, облокотился на столик.

- Да, двое детей. Сыну семь лет, дочке пять.

Он ждал, что она ещё что-то скажет о своём муже, но она смолкла. Между ними был теперь узкий купейный столик, наискось покрытый сто раз перестиранный скатертью. Она была отутюжена, но до этого не разглажена, и Светлана непрерывно проводила пальцами по заутюженным складкам. Руки у неё были очень белые, изящные. Обручального кольца не было.

За окном проплывали осенние пейзажи. Он очень любил природу. Мог часами любоваться лесами и полями, холмами и озёрами. Некоторые маршруты проезжал уже много раз, но в каждое время года пейзажи за окном выглядели по-разному и каждый раз навевали на него другие чувства. В зависимости от времени года и погоды, это были то радость или грусть, то спокойствие или тревога, иногда на него набрасывалась даже неукротимая романтика и хотелось пережить что-нибудь необыкновенное. Но ни одно из чувств не повторялось. Только радость была всегда какая-то похожая, а грусть, печаль или романтика каждый раз были другими.

Особенно нравились ему деревни. Люди в них жили старобытностью. От них веяло покоем и уверенностью. Казалось, бури перестройки прошли мимо них. Свой огород и сарай сглаживали непредсказуемые прыжки цен. Ему всегда казалось, что начнись в стране какая-нибудь неразбериха, у крестьянина всегда можно будет найти покой и убежище. На него можно надеяться, он выдюжит.

Когда же ему приходилось проезжать мимо городов, на ум всегда приходила одна и та же мысль: «Сколько здесь живёт людей, и всех любит Бог, каждого знает по имени!» Болело сердце за всех этих людей. Он мечтал разработать глобальный план евангелизации региона, проехать с большими палатками, как на Западе это делают, по всем деревням и городам и в каждом населённом пункте организовать новую церковь. Это было бы замечательно! Но не хватает тружеников. Молодые всё больше подаются в бизнес, а пожилому поколению трудно перестроиться. Трудно влить новое вино в старые мехи. А сколько многообещающих тружеников в последнее время выехало из страны – кто в Америку, кто в Германию... А ведь так бы пригодились они сейчас здесь!

Но на этот раз пейзажи его интересовали меньше. Напротив него сидела молодая женщина и красивыми, немного нервными руками разглаживала складки скатерти.

– У вас, наверное, хорошая профессия?

– Откуда вы это взяли?

– Да у вас руки такие ухоженные... У работающих на улице или за станком руки другие.

– Вы правы, я работаю лаборанткой. Правда, скоро придётся менять профессию. При этих ценах разве прокормить одной двоих детей?

– Одной? А муж?

– Нет у меня мужа, ушёл. Точнее, выгнал. Меня и детей тоже.

Ему стало немного неловко. Напросился на откровенность. А, может быть, он этого и хотел? Ведь втайне ждал, что она что-то скажет о муже. И она действительно начала рассказывать, будто какая-то плотина вдруг прорвалась в ней. Рассказала о своей несчастной любви к человеку, который занимал видную позицию и которому она была не ровня. О том, как он, от нечего делать, стал за ней ухаживать. Потом она ему доверилась и забеременела. Её родители придерживались старых правил морали и устроили страшный скандал, грозили ему всеми мыслимыми и немыслимыми профсоюзно-административно-партийными карами и обличениями. Он стоял в самом начале крутой карьеры и скандал был ему ни к чему.

Они поженились, потом родились дети. Как только его позиция немного укрепилась и ему не надо было бояться козней её родителей, да и инстанции, которые следили за моральным состоянием советского народа, вдруг потеряли свою силу, он сразу же повёл дело к разводу. Очень уж он любил свободную жизнь.

Она рассказала об унижениях, которые ей пришлось вытерпеть за это время, о побоях, изменах и, наконец, о разводе. Единственное, что ей осталось, – это дети.

Он слушал молча, лишь изредка кивая головой и вздыхая в знак сочувствия. Где-то по ходу разговора она вдруг перешла на «ты».

– Ну вот, Олег, я тебе и исповедовалась... Такая у меня судьба горемычная...

Он чувствовал, что должен был бы сейчас указать ей на источник всякого утешения, но не смог. Он абсолютно не знал, что ответить. Фразы, которые он обычно в таких ситуациях говорил, показались ему вдруг плоскими и никчемными. А, может быть, он даже не хотел в данный момент произносить эти старые, не раз испытанные фразы? В глубине души он точно знал, что не хотел.

И чувствовал, что это плохо.

– Вот такая жизнь у меня. А тут ещё и болезнь подкрадывается, – продолжила попутчица. – Что делать, не знаю. Вся жизнь моя такая неустроенная, сумбурная... К тому же, мама полгода тому назад умерла. Осталась я одна с детьми. Боюсь, как бы муж их у меня не отсудил. Тогда совсем – хоть в прорубь головой...

Её лицо было грустным и от этого ещё более прелестным. Её руки перестали двигаться и лежали напротив, на столике. Лишь изредка, когда на них садилась муха, они нервно вздрагивали. Вдруг в нём неожиданно откуда появилось непреодолимое желание погладить эти такие красивые, но обиженные судьбой руки. Несмело протянул он свою правую руку и положил на её руки. И тут они как бы открылись ему, её руки разомкнулись и впустили его руку внутрь, между ладонями. Какие они были тёплые, мягкие и нежные, ладони этой несчастной женщины!

Они как будто истосковались по такому прикосновению и теперь несмело ласкали его руку. Вначале он немного испугался, но потом положил вторую руку сверху и стал гладить её руки.

– Какие нежные у тебя руки, – прошептала она, – очень мягкие для токаря...

Он сам не заметил, как его бросило в жар. «Эх, надо было снять пиджак», – подумал он. Потом, не разнимая рук, как будто в трансе, поднялся и сел рядом с ней. Осторожно высвободил правую руку, расслабил немного галстук и обнял её за талию. И сразу почувствовал, как она прижалась к нему. Это ощущение чужого тела молодой, красивой женщины заставило его сердце лихорадочно биться. Приятный запах незнакомых духов действовал таинственно и маняще. Она запрокинула голову, губы её были полуоткрыты, дыхание частое и зовущее. А глаза блестели таинственно маняще... Он прижался к этим губам своими.

«Боже мой, неужели это со мной происходит?! – подумал он. – Что это со мной? Я что, с ума схожу? Что я делаю?! Ведь нельзя же, нельзя... Господи, помоги мне! Останови же меня...» А сам всё сильнее прижимал её к себе, всё лихорадочнее гладил её тело. Всё его естество захотело вдруг любви. Он так истосковался по запаху женской кожи. А Бог его не останавливал.

* * *

Когда он возвращался из поездок домой, то, переступив порог, первым делом ставил на пол чемодан, дипломат и обнимал жену. Прижимал её к себе, дышал её запахом и на несколько мгновений забывал тогда обо всём на свете. Он расслаблялся, отдыхал, выгружал отрицательные эмоции, заправлялся как бы новой энергией. Дети отходили молча в сторону, знали – теперь родителям хорошо.

* * *

«Боже, прости... Ведь нельзя... Что я делаю? Ну, ещё немного, ещё самую малость... Ведь я так истосковался... Слишком далеко я не пойду... Слишком близко к обрыву не подойду... Я остановлюсь... Но не сейчас... Ещё чуть-чуть... Потом...»

Всё происходило, как в тумане. Ему казалось, что это вовсе не его руки становятся всё смелее. Голова кружилась, сердце колотилось, как бешеное. Поцелуй становился всё более страстным. Красивое лицо чужой женщины было совсем рядом. Запах пьянил. Странно, что его никто не останавливает, никто не бьёт по рукам... Нет ангела, который гневным окриком призвал бы его к порядку. А если бы и был, то послушался ли бы он его? Всё проходило естественно и, в то же время, страшно.

– Олег, ну что ты делаешь, не надо, зачем? – прошептала Светлана, на мгновение отодвинувшись от него. – Ты что, со всеми такое делаешь?

Этот вопрос подействовал на него, как холодный душ. Но только на мгновение.

– Да нет, понимаешь, я сам не знаю, я это в первый раз... – Невнятно пробормотал он.

– Так я тебе и поверила! Берёшься за дело, как опытный мастер...

– Нет, Света, честное слово, я никогда ещё не обнимал чужую женщину. Просто сам не понимаю, что это такое со мной происходит. Тянет меня к тебе... Ты какая-то такая...

– Да ладно уж, не оправдывайся! Закрой только дверь на защёлку...

* * *

Теперь она сидела справа, примерно в седьмом ряду и не сводила с него глаз. Он увидел её только минут через пять после того, как вышел вперёд. «Почему же я её раньше не заметил? Может быть, успел бы переговорить или хотя бы собрался с мыслями, отдышался!»

Как всегда, когда ему приходилось выступать перед неверующими, он приготовился призывать людей к покаянию. Он хотел рассказать им об ужасе греха, о губительном положении человека, о Голгофской жертве Сына Божия и возможности обрести прощение, мир с Богом. Но присутствие этой женщины парализовало его. Она сидела молча, но ему казалось, что она кричала. Он не слышал, но чувствовал этот крик.

Он начал было говорить проповедь, которую уже неоднократно говорил на евангелизационных собраниях. Но, увидев Светлану, оторопел. Слова застревали у него в горле, мысли путались, хотелось всё бросить, покинуть помещение и бежать, бежать без оглядки. Внутренняя сила, с которой он обычно начинал свои выступления, динамика, которой с самого начала захватывал внимание слушателей, вдруг резко исчезли. Ему казалось, что все знают о его грехе и того и гляди, начнут смеяться.

«Господи, помоги! Ведь это не ради себя я здесь стою, а для прославления Твоего Имени. Помилуй меня, Боже, грешного!» Но произносимые слова казались ему пустыми словесными гильзами, во рту было сухо, в голове – путаница. Его опять, как и тогда в поезде, бросало то в жар, то в холод.

Он старался держаться как можно более уверенно, старался не смотреть на неё. Но когда всё же непроизвольно повернулся в её сторону и его взгляд скользнул по её лицу, ему показалось, что она улыбнулась. Боже мой, всё та же прекрасная улыбка, всё то же красивое лицо!

«Света, не надо... Ради Бога ничего не говори, я прошу тебя... Я знаю, что я во всём виноват, только не обличай меня... Потом мы побеседуем, потом я тебе всё скажу, всё объясню, извинюсь... Только, пожалуйста, не сверли меня таким

взглядом... Я умоляю тебя! Только не при всех, пожалуйста!»

* * *

Он откинулся на свою скамью. Пот катился по нему градом, он тяжело дышал. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из грудной клетки. За окном проплывал очередной полустанок, по окну ползала всё та же заблудившаяся муха, а рядом с ним одевалась молодая, красивая женщина. Когда она раздевалась, он помогал ей. Теперь же ему хотелось, чтобы всё поскорей кончилось, чтобы она вышла, исчезла и он остался один. Он знал, что это невежливо, но не мог совладать с собой.

Когда она села напротив, он выдавил из себя:

– Светлана, я должен тебе сказать... – Голос его звучал неестественно, сдавленно.

– Обычные фразы, что будешь помнить и не забудешь? – Её голос тоже звучал не так, как раньше, ещё тоскливей. – Не надо, зачем. Что было, то было... Понравился ты мне, а то б не согласилась, не позволила. Участие проявил к моим словам. Да и сильно уж я истосковалась по мужским объятиям. Спасибо, пригрел, приласкал. Ведь хорошо было... Сам то ты тоже какой-то тоскливый, давно из дому, что ли? Или, может, жена не любит?

– Да нет, понимаешь, жена-то у меня ничего, любит меня, да и я её тоже уважаю. Только вот эти вечные поездки... Две недели как из дому, – зачем-то добавил он, – всегда один, да один...

«Что за глупости я говорю? – подумал он. – Ведь неправда всё это. Почему я ей говорю неправду? Почему выкручиваюсь? Трус я, жалкий трус... Да ещё и грешник. Господи, помилуй меня!»

– Эх ты, токарь на колёсах, – задумчиво сказала она, – хотя никакой ты не токарь, темнишь... – Усмехнулась, потом вдруг резко встала: – Пора собираться, скоро мне выходить. С тобой и не заметила, как время пролетело.

Он тоже начал суетиться, вроде как помогать. Опять стал говорить, что очень сожалеет о случившемся, что надеется па встречу. Попросил её адрес, но она резко возразила:

- Да зачем он тебе? Всё равно ведь забудешь меня. Следующая поездка, следующая ревущая дура, следующее утешение - и забыта Светка-горемыка... Скрестились наши пути-дорожки, а теперь опять каждый идёт в свою сторону. Так что прощай, милый!

- Не забуду я тебя, точно говорю!

- Это каждый говорит. Да и ты, поди, не одной вечную память обещал. Так что давай-ка, помоги мне лучше чемодан из-под сиденья достать, а то станцию проболтаем.

Как бы торопя время, он помог ей достать чемодан, проводил на перрон.

* * *

Вернувшись в купе, он осознал, что уже больше не тот, каким был несколько часов тому назад. Он сел у окна и увидел уплывающий город. В этом городе остался человек, с которым всего на полтора часа свела его судьба. А, может, и не судьба? Может быть, Бог? Только подвёл Его слуга, не выполнил задания... Даже больше - согрешил. Казалось, он слышит дикий хохот сатаны, доносящийся из преисподней. А, может быть, даже не Бог, а сатана подстроил ему эту встречу? Посмотри, дескать, слуга Бога, на что ты способен!

Вообще-то ему было совершенно ясно, что он сделал. И он ощущал теперь последствия случившегося. Слишком близко подошёл к обрыву и сорвался.

Проповедуя неоднократно об отречении Петра, он любил расписывать его внутреннее состояние после грехопадения, всю глубину его отчаяния. Особый акцент он ставил на пробуждённой совести ученика Христа. Он подчёркивал, что сатана, сделав своё дело, покидает человека. Оставляет его один на один со случившимся, с совестью, и только с усмешкой, со стороны, как бы наслаждаясь делом своих рук, наблюдает за ним. Он любил говорить о раскаянии, о слезах будущего апостола. Но думал ли он, что сам попадёт в такую же ситуацию, сам

поддастся на вековечный трюк врага, сам когда-то будет чувствовать на себе этот усмехающийся взгляд?

До него начал доходить весь ужас содеянного. Ему стало душно, дыхание участилось, сердце билось у самого горла. Казалось, в него вселилось нечто инородное, крайне неприятное. На теле выступил пот. Он встал и выглянул в коридор вагона. Там никого не было. Осторожно, точно боясь быть замеченным, он прошёл в туалет, помыл руки и лицо холодной водой. Немного полегчало. Потом прилёг, но желанного покоя ему это не принесло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/vorobey_stepka/sryv

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)